

ИДЕАЛЫ И ИЛЛЮЗИИ: О РЕКОНСТРУКЦИИ И ДЕКОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Разум в более точном (*narrower*) смысле был для Канта способностью применения идей (*employing ideas*). Идеи, полагал он, необходимы для мышления, поскольку они обеспечивают принципы его систематизации. С другой стороны, ничто в опыте не может им соответствовать. Таким образом, регулятивное употребление их в теоретической сфере является единственно правомерным. Трактующие в качестве конститутивных, они дают повод для иллюзий спекулятивной метафизики. Поскольку источник этих иллюзий заложен в самой природе нашего мышления, их раскрытие вовсе не означает их полного устранения. Они представляют собой постоянные возможности для ложных и обманчивых размышлений. Сегодняшние метафилософские споры можно считать разногласиями по поводу того, как поступать с этими идеями разума. Являются ли они иллюзиями логоцентристского мышления, которое следует неустанно деконструировать, или они суть неизбежные предпосылки рационального мышления и действия, которые следует бережно реконструировать? То, что Кант был совершенно прав, считая их и теми, и другими, составляет позицию автора данной книги.

Конечно, кантовская концепция разума претерпела сегодня значительные изменения. Между авторами, которых я собираюсь обсудить, существует общее согласие относительно того, что разум должен рассматриваться как инкарнированный (*embodied*), культурно опосредованный, переплетенный с социальной практикой и что укорененность и разнообразие основных категорий, принципов, процедур и тому подобного означает, что критика разума должна осуществляться в связке с социальным, культурным и историческим анализом. Мы больше не можем надеяться проникнуть в его "природу, масштаб и границы" посредством интроспективного обзора содержания сознания, но должны изучать действия и продукты, высказывания и тексты, практики и институты, в которых он воплощен. Здесь, однако, имеются резкие разногласия по поводу того, какую форму должна принять критика подобного не-чистого разума. На одной стороне находятся те, кто вслед за Ницше и Хайдеггером атакуют кантовские концепции разума и рационального субъекта в самом их основании; на другой - те, кто вслед за Гегелем и Марксом придают им соционисторическую форму. С точки зрения автора, такое разногласие может привести к расщеплению бифокального видения идей разума, которое было характерно для Канта.

Первая часть посвящена исследованию проблем, очерченных представителями критической теории, которые придерживаются негативной позиции. Хотя их акцент на частное, изменчивое и случайное есть вполне понятная реакция на традиционную озабоченность всеобщим, вневременным и необходимым, это все же выглядит не менее однобоким и не менее спорным в своих практических импликациях. Рассмотрение контекстуализма Рорти, генеа-

логии Фуко и деконструктивизма Деррида стремится сделать эту однобокость осязаемой и вывести ее импликации для критической социальной теории. Тем самым мышление этих виртуозов реконтекстуализации неизбежно помещается в другой контекст, но, надеюсь, не в ущерб внутреннему критицизму, который отчетливо фигурирует в каждом исследовании. В этом направлении я пытаюсь прийти к заключению о том, что социально-практические аналогии кантовских идей относительно разума столь глубоко укоренены в нашем образе жизни, что их отсутствие непредставимо и нежелательно. Подходящим ответом на иллюзии, которые постоянно ими порождаются, является социально-практический аналог кантовской критики разума, который сочетает одновременно реконструкцию (“аналитику”) и деконструкцию (“диалектику”).

Во второй части исследуются различные аспекты Хабермасовой попытки дать такой ответ в его теории коммуникативного действия. Кантовские идеи разума появляются здесь вновь в качестве прагматических предпосылок коммуникации. Результатом является перенос напряжения между реальным и идеальным в область социальной практики. Идеализированные предположения, которых мы не в силах избежать, когда пытаемся прийти к взаимопониманию, - например, об intersubjectивной данности объективно существующего мира, о рациональной вменяемости партнеров интеракции, о контекстуальной трансцендентности притязаний на истину и моральную правильность - действительно участвуют в организации фактической коммуникации *и наряду с этим* являются типично контрфактическими в том плане, что открывают достигнутые *de facto* соглашения для будущей критики. В реконструировании этих идеализирующих предпосылок коммуникативного разума Хабермас, однако, недостаточно уделяет внимание таким видам *онтологических* предпосылок, с которыми имеют дело деконструктивисты, рубрицируя их как “язык”, “культура”, “Seingeschick”, “differance”, “власть” и т. п. Это, я полагаю, и придает его проекту дух трансцендентализма, который так беспокоит его критиков. В статьях, вошедших во вторую часть и посвященных изучению Хабермасовых концепций разума и рационализации, теории и дискурса, доказывається, что эти концепции имеют более сильный характер, чем это гарантируется его аргументами или чем того требует его проект. Поскольку эти статьи написаны с позиции, более близкой к позиции рассматриваемого автора, чем работы, вошедшие в первую часть, то здесь имеет место более детальная и заинтересованная попытка сочетать критический анализ с предложением конструктивных альтернатив. Эти предложения, однако, не сводятся к очерчиванию альтернативной, “более слабой” программы для критической теории, так что я воспользуюсь этим предисловием, чтобы сказать немного больше о той позиции, с которой они сделаны и которая представляется предпочтительной¹.

У мыслителей, претендующих на постметафизический статус, имеется примечательная склонность практиковать негативную разновидность метафизики. Когда это происходит, один ряд сущностей, являющихся продуктом гипостазирования, просто заменяется на другой: единое на множественное, всеобщее на частное, тождество на различие, разум на Другое разума, структуры мышления на инфраструктуру мышления, логическая сущность языка на гетерологическую сущность речи и т. д. Общей чертой этих негативных метафизик является абстрактное отрицание понятийного аппарата

рационалистического индивидуализма; индивидуальное изображается как полностью погруженное в некое целое, а историческое движение целого полагается управляемым суб- или супраперсональными силами, находящимися вне досягаемости разумом. Идея разумного воздействия на форму социальной жизни начинает казаться наивной, устаревшей и, коротко говоря, безнадежно современной. Замена больших нарративов прогресса на столь же односторонние “истории падения” (Verfallsgeschichten) ницшевского или хайдеггеровского образца только усложняет проблему. Фиксация на технократизации, информатизации, бюрократизации, нормализации и т. д. делает невидимыми добытые с большим трудом достижения в области гражданских, политических, общественных и человеческих свобод, не говоря уже о положительных результатах науки и технологии, политики демократии и мер по повышению общественного благосостояния.

На мой взгляд, Хабермас прав в своем желании обойти эти абстрактные негации путем переосмысления взаимной зависимости социокультурных сетей и индивидуальных действий, глобальных смещений в горизонтах значений и процессов обучения в жизненном мире (innerworldly learning processes). Он прав также, я полагаю, в перенесении уровня критики разума на уровень социальной практики и в поиске идей разума среди прагматических предпосылок коммуникативного взаимодействия. Социальная кооперация требует *непрерывного достижения* в постоянно меняющихся обстоятельствах, устойчивых значений, intersubjectively известного объективного мира, разделяемого социального мира, конститутивные нормы которого признаются в качестве легитимных, и индивидуальных идентичностей, способных найти аутентичное проявление. Именно идеализирующие установки, задействованные в этих процессах в качестве нормативных ориентиров для достижения взаимного понимания, обеспечивают их связность. Только разочаровавшиеся метафизики могут фокусироваться исключительно на распространении предположительно фиксированных и устойчивых значений, не анализируя при этом конструктивные достижения, “для всех практических целей”, в силу которых становится возможной социальная кооперация². Если вместо этого обратиться к прагматическому повороту, можно оценить оба аспекта социально-практических идей разума: их незаменимую функцию в кооперативном социальном взаимодействии и возможность злоупотребления ими. Под эгидой их регулятивности призывы, с которыми мы обращаемся к нашим собратьям, внутренне связаны с доводами, которые могут работать как за, так и против них. Роль подтверждающих и опровергающих доводов связана в свою очередь со способностью ответственных субъектов принимать или отвергать их, оценивать и пересматривать их, создавать и критиковать их. Ответственные агенты трансформируются в культурных идиотов, в узловые точки в сети власти, в эффекты игры различий и т. п., вместо того, чтобы оказываться, как это должно быть, одновременно зависимыми и независимыми моментами этого процесса. Рациональная критика и процессы обучения, которые на этом подпитываются, оказываются событиями целиком местного значения или непостижимыми смещениями в горизонтах значения. Возможность прийти к добровольным соглашениям на основе доводов, открытых для intersubjectively оценки, т. е. потенциал для разума, сводятся к способности служить носителями преобладающих социальных и культурных форм.

Важно увидеть, что контекстуальная трансцендентность идей разума

дает приют не только догматическому, но и разрушительному потенциалу: притязания на значимость постоянно подвергаются критике со всех сторон. Сама по себе постструктуралистская критика оказывается неясной без предположения о том, что критикуемые ею взгляды сами претендуют на значимость вне тех контекстов, в которых они были высказаны. Понимаемая прагматически, безусловность притязаний на значимость в этом случае также противоречит предположению критиков-контекстуалистов: она провоцирует непрерывную критику догматизма, предрассудков, самообмана и заблуждения во всех их формах. Напряжение между реальным и идеальным она встраивает в конструкцию социальных фактов, которая представляет внутренний потенциал для критики, которую действующие лица могут привлекать в стремлении трансцендировать и трансформировать границы своих ситуаций. Этот “нормативный излишек” значения, свидетельствующий о наличии чего-то помимо того, что мы рассматриваем как значимое здесь и сейчас, есть, как его назвал однажды Хабермас, “бельмо на глазу социальной реальности”³.

Молчаливо полагаясь на те же самые прагматические предпосылки, “постмодернистские” критики обычно основывают свою позицию также на допущениях, специфичных для модернистского мировоззрения, которое они стремятся подорвать. Радикальные критики модернистского рационализма в целом в качестве само собой разумеющегося принимают расколдование мира, которому этот рационализм стал причиной, возможность рефлексивного вопрошания врожденных убеждений и ценностей, возможность держать критическую дистанцию по отношению к традиционным ролям и нормам, а также возможность оспаривания предписанных индивидуальных и групповых идентичностей. Более того, ценности, на которых базируется их критика, обычно содержат множество явно модернистских ориентаций в сторону плюрализма, разнообразия, терпимости, взаимного уважения и т. п. Словом, радикальная критика модерности велась в пределах явно модернистского горизонта. Этому не стоит удивляться. Нет надмировой позиции, с которой мы можем определять мир как целое на расстоянии. Мы являемся участниками до того, в то время как и после того, как мы являемся критиками. Изучение перформативных противоречий, в которые впадают так называемые тотальные критики модерна, имеет конструктивную значимость: оно помогает нам идентифицировать те предпосылки, которым участники дискурса о модерне либо вообще не имеют альтернативы, либо не заботятся ее отстаивать.

В конце жизни Фуко признавал неразрывность своей работы с классической критикой разума: “Я полагаю, что центральным пунктом философии и критического мышления начиная с восемнадцатого столетия было, есть и, я надеюсь, останется вопрос: что представляет собой тот разум, которым мы пользуемся? Каковы его исторические эффекты? Каковы его границы и в чем его опасность?”⁴ Однако он продолжал акцентировать это односторонним образом: “Критицизм следует практиковать не в поиске формальных структур, обладающих всеобщей ценностью, но в отделении от случайности, которая сделала нас такими, каковыми мы есть, возможности больше не быть, не делать или думать, что мы есть, что делаем или что думаем”⁵. Хабермасова прагматика коммуникации стремится сделать акцент на другой стороне, то есть на “поиске формальных структур, обладающих всеобщим значением”. Согласно занимаемой мною в данном

случае позиции, ряд деконструктивистских тем и техник, освобожденных от своих тотализирующих претензий, мог бы быть интегрирован в прагматический подход к коммуникации и служить противовесом глубоко засевшему в нас стремлению гипостазировать идеи разума в реализованные или реализуемые состояния дел. Если эти идеи являются неизбежными предпосылками нашего участия в социальной жизни, и если участие не может быть полностью заменено наблюдением - даже включенным наблюдением, - мы можем по крайней мере попытаться стать наблюдательными, рефлексивными участниками и позволить озарениям, добытым у отстранения, преобразовывать наши обязательства. Если бы деконструктивистские тревоги стали постоянной чертой социальной практики, мы сумели бы довести до конца социально необходимую конструкцию понятий, теорий, техник, законов, институтов, идентичностей и т. д. с большей восприимчивостью к тому, что не укладывается четко в наши схемы.

В частности, упорно негативная вера постструктуралистской социальной и политической мысли могла бы быть перепрограммирована в конструктивную критику “реально существующей демократии”. Уроки, которые она дает нам в отношении отвергнутого Другого, препятствующего любому завершению социального порядка, могут претвориться в переосмысление демократических идеалов, принципов, практик и институтов. Конечно, многие постниггишанцы и постхайдеггерианцы увидят в этом коварную попытку подавить Другого. Однако у них было мало что сказать о наших обязательствах по отношению к *другим*. Их попытки расположить свой дискурс вне досягаемости установленных форм также отстранили их от эталона рационального диалога и разумного соглашения. На этой ступени другой, чье подавление привлекает больше всего внимания, - это другой в себе. Таким образом, эстетика самоконструирования (self-invention) возымела тенденцию доминировать в “политике постмодернизма”. Имеется явное несоответствие в положении о мире как погруженном в нищету и несправедливости, которая является нашей. Если неоромантические надежды на “превращение чьей-либо жизни в личное произведение искусства” (Фуко) должны быть ограничены соображениями справедливости, мы должны спросить, какого рода социальные порядки зададут эти пределы и как эти пределы найдут оправдание у тех, кто предположительно чувствует себя ими связанным. Эстетический индивидуализм большинства постмодернистских теорий способен решить эти вопросы еще в меньшей степени, чем собственнический (possessive) индивидуализм ранней модернистской политической теории, зеркальным отражением которого он во многом является.

Примечания

- ¹ Набросок альтернативной программы я пытаюсь представить в книге “Критическая теория”, написанной в соавторстве с Дэвидом Хоем (David Hoy), находящейся в настоящее время в издательстве Basil Blackwell.
- ² См. у Гарольда Гарфинкеля (Studies in Ethnomethodology. N.Y., 1967).
- ³ Habermas, J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt: Suhrkamp, 1988. P. 55.
- ⁴ Foucault, M. Space, Knowledge, and Power, an interview with Paul Rabinow, in: Rabinow, P. The Foucault Reader (New York, 1984). P. 249.
- ⁵ Foucault, M. What is Enlightenment, in: The Foucault Reader. P. 45-46.

Перевод В. Н. Фурса выполнен по изданию: McCarthy, Th. Ideals and Illusions: On Reconstruction and Deconstruction in Contemporary Critical Theory. Cambr., Mass.; London: The MIT Press, 1993. P. 1-7.